

ЗИНАИДА ГИППИУС

Я ПРОСТИЛ

Зинаида Николаевна Гиппиус
Я простил
Серия «Я простил», книга 1

Аннотация

«Седьмой вечер Калитин бродит по Парижу, один. Фридочку оставляет в отеле. Это жестоко: ведь он привез ее показать Париж, – когда же его показывать, как не вечером? Днями он занят, – для дел ведь приехал; Фридошка же одна и днем боится в незнакомом городе. Вначале он свозил ее туда-сюда, но потом стал уговаривать, что она слишком утомляется, что ей лучше рано ложиться, и уходил один...»

Зинаида Гиппиус

Я простил

Седьмой вечер Калитин бродит по Парижу, один. Фридочку оставляет в отеле. Это жестоко: ведь он привез ее показать Париж, – когда же его показывать, как не вечером? Днями он занят, – для дел ведь приехал; Фридошка же одна и днем боится в незнакомом городе. Вначале он свозил ее туда-сюда, но потом стал уговаривать, что она слишком утомляется, что ей лучше рано ложиться, и уходил один.

Десять лет Парижа не видал. Десять лет! Казалось, что надо везде побывать, все места и запахи вспомнить, и себя, свою молодость... хотя зачем? И теперь он еще молод. Теперь он здоров, солиден, спокоен, прекрасно одет. Повезло в Берлине. А тогда, здесь, – бедность, болезнь, – последствия ранения, – и потом еще... Но об этом «потом еще» Калитин не позволял себе думать. То есть скрывал от себя, что все время только об этом и думает.

Скрывал удачно. Иначе волей-неволей пришлось бы рассмеяться над собой и повернуть в отель, к Фридошке. Начав думать, он бы должен был и признаться, что не столько для «воспоминаний» бродит ночью по городу, сколько ради вполне невероятной, глупой надежды – увидеть Лизу.

Не глупо ли, в самом деле? Уже лет пять, как о Лизе даже смутного слуха не имел. Может быть, она не в Париже. Или

умерла. А если и нет, зачем она будет вечером в одном из бесчисленных кафе, в которые он терпеливо заглядывал?

Банальный пример – найти иголку в стоге сена, – ну, нет, увидеть Лизу гораздо труднее. И он о Лизе не думал; только всякий раз, возвращаясь поздно в отель и укладываясь на широченную постель рядом со спящей Фридошкой, думал, что ему как-то скучно, или досадно, или неизвестно что...

В этот седьмой вечер – душный, почти жаркий (конец сентября) – Калитин возвращался раньше обычного, успев, впрочем, обегать пол-Парижа. Медленно подымался по Елисейским Полям к Арке, – там, вблизи, их дорогой отель. Не очень замечал пятна света и мрака под деревьями; было как-то все равно, – и Париж, и все: знакомая полутощнота скуки. Подумал, что скоро уезжать: скука не прошла.

Идет все медленнее. Вот, на углу, громадный, ярко освещенный круг – широкая терраса фешенебельного кафе. В этом кругу Калитин остановился на секунду, бессознательно, никуда не глядя. И, – не глядя, – краем глаза увидел Лизу. Если б думал и смотрел, может быть, не увидел бы, или не узнал. И сидела-то вполоборота. Но тут сразу увидел, не усомнился, – она.

Что же теперь? Во-первых – это было чудо, во-вторых, – к чуду он не позволял себе подготовиться. Надо поспешно сообразить. Пока он торопился, Лиза встала. Встали и двое сидевших с ней – один старый, английского типа; другой помоложе; пошли все вместе, между столиками, как раз к то-

му месту тротуара, где стоял Калитин. Под белым электрическим шаром Лиза показалась Калитину очень бледной. Она была тоньше и красивее, чем та, какую он помнил. Но главное – это была она.

«Ваня!» – сказала она негромко, вдруг остановившись. Он еще не кончил своих соображений, а она, быстро обернувшись к спутникам, что-то сказала им по-английски, простилась, – и Калитин уже шел под деревьями, назад, к Concorde¹, чувствуя на руке своей Лизину руку.

– Пойдем, посидим где-нибудь здесь, вечер такой славный. Поговорим. Хочешь?

– Да. Хочу. Поговорим, – произнес Калитин, от волнения деревянно. – Я так не ожидал...

– Не ожидал? А я знала, что ты в Париже. Положилась на случайность. Встретимся, так встретимся...

Шли и говорили, но бессвязно, как будто и отрывочно. То, казалось, ни о чем, а то – о самом важном.

– О себе можешь не рассказывать, я, приблизительно, знаю, – весело говорила Лиза. – Ты в Берлине очень хорошо устроился; ну и фрейлейн Штейнбах, твоя новая супруга... Вот разве только насчет самочувствия спросить... Ты правду скажешь, ведь ты тот же, «самый правдивый человек на свете». Счастлив?

– Нет, Лиза. Кто счастлив? А у меня тоска.

И прибавил:

¹ площадь Согласия (фр.).

– Зачем ты меня бросила? За что? Ты знала, что я тебя люблю. И ведь я тебя простил. От всего сердца, от всей души простил.

Лиза улыбнулась. А, может быть, нет; может быть, светы сквозь деревья, под которыми они шли, так скользнули по лицу. Калитин всматривался в ее лицо близко, жадно; старался вообразить, что никаких десяти лет не было. Но вдруг вспомнились слезы, резкие слова последней, такой непонятной, сцены.

– Теперь можно говорить спокойно, – произнесла Лиза. – Теперь все давно кончено, и все равно, что ты ответишь, если я опять повторю прежнее. А другого у меня нет. Оттого и ушла, что... простил. От твоего «прощения».

– Лиза, нет, как же я мог не простить? Любил тебя.

– Любовь не помогает таким, как ты. О, «правдивые» люди! Такие правдивые, так в правдивость свою влюбленные, что, под конец, только одну ее и видят. Другие, кругом, – все лгут. Никому нельзя верить. Но надо уметь прощать. И любоваться этим умением. Я тогда еще неясно это понимала. Теперь – вижу. И совсем не виню тебя, – даже за Костю бедного. Ведь ты же искренно думал, что тебе надо и его прощать.

– Лиза, опять это тяжелое... Я знаю, Костя любил меня и не вынес.

– Чего? Да вот прощенья твоего, когда не в чем было прощать, и не вынес! Твоего безнадежного неверия, непоколебимого

емого твоего убеждения, что он лжет, что он виноват, и ты ему только великодушно прощаешь. На одну маленькую минуточку вообрази, что мы тебе не лгали (потом, как хочешь); да, не лгали, между мной и Костей ничего не было, даже мысленной тебе измены, – ничего! Но несчастье вошло тебе в душу, и ты его хранил; может быть, сам не зная, ради случая «простить». Нам, мне и Косте, ты уже и не мог, и не хотел, поверить. Когда слишком себе доверяешь, тогда другим доверять нельзя... Посто́й, сядем на минуточку, – прервала она и направилась к темной пустой аллее под деревьями.

– Я сама не знаю, зачем я тебе все это говорю, – продолжала Лиза, когда они сели. – Ты, наверно, такой же, как был. Я – тоже. Но раз уж мы встретились... Главное, не думай, что я тебя виню. Я Костю скорее виню: в слабости. И в глупом обожании тебя, верности тебе до такого предела... ну, чтобы даже застрелиться от твоего недоверия и ненужного твоего прощения.

Она замолчала на минуту. Молчал и Калитин. Он видел теперь неясно ее лицо. Но голос был спокойный.

– Если б я догадалась тогда, что ты нарочно пойдешь «прощать» Костю, я бы, пожалуй, предупредила тебя. Он был такой нервный, впечатлительный, и так любил тебя. Ну, да разве ты его видел? И не послушался бы меня. Подумал бы – виновата я, хоть и прощенная, жена все-таки о возлюбленном заботится. А помнишь его последнюю записку – тебе? Сумбурная, да ведь все то же, о доверии мольба, не о

прощении. Но ты и мертвого не услышал, опять прощением прикрыл... Ваня, я тебе делаю больно? Или ничего? Ничего; ничего, все давно прошло, все хорошо. Костя умер, но я не умерла, хоть и любила тебя. И в твоей любви не сомневалась. Только моя, понимаешь, такой, твоей, не захотела, – такой, извини меня, без правды, без настоящей. И я ушла. Вот и все.

Помолчав, прибавила, с простотой:

– Если б ты был болен, нуждался во мне, как в первый год, я бы, верно, подождала. Но ты поправился, и уж видно было, что выберешься. Вот и выбрался. Я – тоже, мое дело, с магазином, пошло. Те двое, в кафе, агенты мои деловые: в Англии отделение. Давай, пройдемся еще немного, до площади. Очень люблю этот столб топазовый, обелиск; – точно изнутри светится, правда?

Говорила теперь нежно, почти весело. А бывший ее муж, бывший Ваня, беженец, ныне солидный берлинский коммерсант и Фридошкин супруг, шел за ней в каком-то странном, точно деревянном, состоянии: в горле пересохло, никакие слова не выговаривались, да и не было слов, как, впрочем, и мыслей; один только страх, что вот сейчас все кончится: она уйдет, он останется; а так как встреча уже была, то искать и ждать больше нечего.

– Ты сказал – тоскуешь, Ваничка, – проговорила она ласково. – Не надо, милый. Жизнь – трудная штука, да не такая уж плохая. Бери свое по-своему. Заработаешься – не на-

силуй себя, отдохни. Я вот тоже думаю дело пока передать, уеду куда-нибудь. Костину девочку я ведь к себе взяла. Большая уж теперь.

– Девочку? Костину? – произнес Калитин хрипловато, – от долгого молчания.

– Ну, да, Нюсю. Помнишь, крошечную из Константинополя привез, где его жена умерла. Еще мы же тогда хлопотали, в приют устроили. Потом... После... я ее к себе взяла.

– Та-ак, – протянул Калитин. И вдруг, неожиданно для себя, спросил, белым голосом:

– А если б Костя не умер, ты... после... ты бы ушла к нему?

Они были уже на площади, в полусветлом полупустынном кругу. Калитину показалось, что Лиза вздрогнула. Наклонилась, тихо проговорила, почти прошептала ему на ухо:

– Ванюша, бедный мой! Вот когда прости, сама знаю, виновата: не к чему о старом, ни тебе, ни мне не нужно. Встретились – погуляли бы, поболтали и все... А так – даром милое время потратили. Больше, может, и не увидимся... Теперь пора мне, дружок...

Она махнула рукой пробежавшему такси.

– Лиза... – начал Калитин.

Дверца была уже открыта. Лиза улыбалась:

– Что, милый?

Он сказал бессмысленно (и зная, что бессмысленно):

– Лиза, вернись ко мне. Лиза, я никогда не лгу, я люблю

тебя, это правда, люблю. И я давно тебе все...

– Знаю, знаю, – перебила она, – давно все простил. Я верю. Спасибо тебе, родной. Поцелуй меня скорее, мне пора.

Он, сам не понимая, как, холодными губами, прикоснулся к ее губам. Услышал – щелкнула дверца. В стекле еще мелькнуло ее лицо. Потом скрежет первого поворота колес. Потом – ничего. То есть все, что сейчас было вокруг единственно нужного Калитину, все, кроме этого нужного.

Но Калитин это еще не совсем ясно понимает. Смотрит на светящийся топазовый столб обелиска. И повторяет, не про себя, а как будто все еще с ней беседуя, ее в чем-то убеждая:

– Лиза, Лиза...